

Глава 64. Пуганая птица

— Ха-ха, избавиться от такого негодяя — одно удовольствие! — Чжоу Чэньюань с улыбкой поднял чашку с водой и чокнулся с остальными.

Ему было по-настоящему противно. Мысль о том, что сосед по комнате тайно следил за каждым его шагом, теперь вызывала холодок по спине.

— Это точно. Спасибо братьям Чэню и Чу, что сработали на опережение и заранее всё сообщили главе академии. Иначе пришлось бы молча глотать обиду, — добавил Цзян Хуай.

— Но вы и впрямь думаете, что за всем этим стоял Сюй Цзянь? — спросил Ло Иншу. — Говорят, глава академии уже отправил письмо инспектору по образованию. Похоже, на этот раз его действительно лишат звания сюцяя.

— Я согласен с братом Ло, — вступил в разговор Дун Цидай. — Этот юноша обычно казался довольно замкнутым и неразговорчивым. С чего бы ему вдруг нападать на брата Чу и на всех нас? К тому же, утренняя выходка Ци Сюя, когда он внезапно выступил с той речью, показалась мне крайне подозрительной.

— А что это вообще за человек, этот Ци Сюй? — поинтересовался Чжан Вэньхай. — Я часто вижу, как вокруг него вьётся целая толпа учеников, словно звёзды вокруг луны, всячески его превозносятся.

— Если бы не сегодняшнее странное поведение, я бы и не подумал, что он на такое способен, — с непростым выражением на лице произнёс Цзян Хуай. — Мы с ним, можно сказать, учились вместе с самого начала: и в заведении для начинающих учеников, и в классе для мальчиков (начинающих), и теперь в классе для подготовки к провинциальным экзаменам. Он всегда вёл себя достойно, вызывая лишь восхищение. Истинный благородный муж, утончённый, как яшма, — это как раз про него.

— Тьфу! Да разве его можно описать такими словами? Вот брат Чу — это да, настоящий образец благородства! — возразил Чжан Вэньхай, который смотрел на Чу Цы глазами любящей матери, видя в нём лишь достоинства.

— С этим я согласен, нынешний брат Чу действительно обладает нравом благородного мужа. Но раньше... как бы сказать? — Цзян Хуай задумался. — Хоть мы и были в одном классе, я помню его только по спискам успеваемости, где он всегда был в числе первых. В остальном же воспоминания очень смутные. Но это ведь странно, не так ли? Человек с такой статью, как у брата Чу, где бы ни появился, должен притягивать взгляды.

Цзян Хуай начал сомневаться в собственной памяти. То ли он был слеп, то ли что-то ещё.

Чу Цы, видя, что разговор сворачивает в нежелательное русло, тихо кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Раз уж дело сделано, давайте пока оставим это. Сегодня у нас вторая встреча общества, пора бы выбрать новую тему.

— Я выберу, я! — тут же вызвался Чжан Вэньхай.

Чэнь Цзыфан и Фан Цзиньян переглянулись с улыбкой. Они прекрасно понимали причину его энтузиазма. С тех пор как вчера объявили результаты, Чжан Вэньхай чуть ли не молился на одолженный сборник сочинений, даже расставил перед ним тарелки с лакомствами, присланными из дома. Будь у него благовония, он бы наверняка и их воскурил.

— Я вчера листал ту книгу и наткнулся на ещё одну интересную тему. Она мне так запомнилась! Давайте поработаем над ней?

Все рассмеялись. Чу Цы, глядя на Чжан Вэньхай, вдруг сказал:

— Твоё усердие, Кочжи, напомнило мне одну историю.

— Какую историю? Брат Чу, поделись с нами!

— Ха-ха, хорошо, слушайте. В царстве Сун жил один землепашец. Посреди его поля рос пень. Однажды заяц, спасаясь бегством, налетел на этот пень, сломал себе шею и умер... — Чу Цы пересказал притчу о том, как крестьянин стал ждать у пня нового зайца.

— Ха-ха-ха! Какой же смешной этот сунец! Сидеть целыми днями у пня и ждать! Что за глупость! Ха-ха-ха! — Чжан Вэньхай, у которого был лёгкий нрав, смеялся до слёз.

Остальные тоже смеялись, но смеялись они над самим Чжан Вэньхаем. Спустя мгновение тот опомнился и обиженно протянул:

— Брат Чу, какой же ты злой! Выдумал историю, чтобы посмеяться надо мной.

— Я ничего не выдумывал. Эта история из трактата «Хань Фэй-цзы», из главы «Пять червей». Неужели вы раньше не слышали её? — теперь настала очередь удивляться Чу Цы. Неужели они не знают притчу, знакомую в его мире даже детям в детском саду?

— Ты уже читал «Хань Фэй-цзы»? — но ещё больше, чем Чу Цы, удивились его друзья. Трактаты Хань Фэя явно не входили в обязательную программу для экзаменов и не пользовались популярностью у современных учёных. Даже для расширения кругозора они предпочли бы другие книги.

Чу Цы вздохнул.

«Хань Фэй был великим представителем школы легистов, и в своё время Первый император очень ценил его труды. Более того, в его книгах содержались основы искусства управления государством, и для правителей последующих эпох они стали практически обязательным чтением. Однако по мере распространения идей управления через гуманность и сыновнюю почтительность, учение о главенстве закона становилось всё менее популярным. Да и сами государи, вероятно, не хотели, чтобы подданные, читая Хань Фэя, пытались разгадать их замыслы»

***

— Учитель, как вам моё сочинение?

— Так себе, — учитель Цинь вертел в руках работу Чу Цы, но упрямо не хотел хвалить его вслух.

Видя, что Чу Цы сделал вид, будто расстроился, он добавил:

— Но прогресс есть. А я-то думал, ты всё время посвятил изучению «Вёсен и осеней».

При упоминании о смене канона Чу Цы почувствовал укол совести и поспешил сменить тему:

— Учитель, вы знаете что-нибудь о семье этого Ци Сюя?

— С чего это вдруг ты интересуешься чужими тайнами?

— Как говорится, познай себя и врага, и ты не потерпишь поражения ни в одной из ста битв. Мне кажется, этот юноша испытывает ко мне неприязнь, и я должен быть начеку, — Чу Цы не стал лгать учителю. Если в уездном училище и был человек, которому он мог полностью доверять, то это был учитель Цинь.

— Эх, в этом есть и моя вина, — смущённо произнёс тот.

Чу Цы не понял. Неужели Ци Сюй как-то связан с учителем Цинем? Это было бы очень некстати, ведь он уже подумывал о том, чтобы нанести удар первым.

— После того как я оставил службу, я вернулся в уезд Юаньшань и стал преподавателем в уездном училище. Поскольку у меня была некоторая известность, желающих стать моими учениками было не счесть. Ци Сюй был одним из них. — Тут учитель Цинь бросил на Чу Цы красноречивый взгляд, намекая, чтобы тот ценил оказанную ему честь. — Его семья живёт в городке Чанхэ, это крупнейший город в уезде Юаньшань после уездного центра, он граничит с

соседним уездом Хутянь. Дед этого юноши — известный в тех краях шэньши. Большая часть земель в Чанхэ, должно быть, принадлежит ему, и многие крестьяне арендуют у его семьи землю. Его отец не преуспел в науках, переключился на военное дело и несколько лет назад, наладив связи, получил звание у-цзюйжэнь. Сейчас он служит уездным исправником в Хутяне.

«Уездный исправник — это должность, сравнимая с современным начальником управления полиции. В древности это был один из четырёх главных чиновников уезда, человек, способный держать в руках всю округу. Подумать только, Ци Сюй оказался и чиновничьим сынком, и богачом в третьем поколении»

— Его семья тогда через знакомых устроила приглашение. Я не мог отказать тому человеку и явился на банкет. Во время пира тот вёл себя безупречно, по-взрослому рассудительно и зрело, совсем не как двенадцати-тринадцатилетний мальчик. Его дед очень им гордился и предложил, чтобы внук стал моим учеником. Вы знаете, я специализируюсь на «Книге песен». Хоть он и был хорош, я чувствовал, что этот канон ему не подходит. Чтобы не вводить юношу в заблуждение, я вежливо отказал, сказав, что пока не планирую брать учеников. Позже я поехал на встречу с другом и в академии Цишань заметил тебя. После небольшой проверки я увидел, что у тебя чистая душа, и ты — прекрасный материал для изучения «Книги песен». Чтобы передать свои знания, я, невзирая на приличия, принял тебя в ученики и привёл в уездное училище. Кто бы мог подумать... что я так ошибусь в своём выборе.

Чу Цы криво усмехнулся.

«Так вот почему этот Ци Сюй с самого начала невзлюбил прежнего владельца тела и постоянно подстраивал козни»

— Вчерашнее его поведение было весьма странным, словно он пытался что-то скрыть. Но Сюй Цзянь уже во всём признался, так что остальное пусть решает инспектор по образованию.

Чу Цы кивнул.

«Семья этого Ци Сюя, похоже, была непростой. Их связи, несомненно, были куда обширнее, чем казалось на первый взгляд. Но я больше не могу этого терпеть. Нужно придумать способ выжить его из уездного училища. Как говорится, злоумышленнику нужен лишь один удачный день, а обороняться нужно тысячу. Постоянно остерегаясь возможного нападения, можно превратиться в пуганую птицу, что шарахается от любого шороха. Методы этого человека становятся всё более жестокими. Что, если однажды он наймёт какого-нибудь отчаянного головореза, который незаметно лишит меня жизни? В эту эпоху спасательные средства далеко не так развиты, как в современном мире, одна оплошность — и прощай, жизнь. Какой же способ придумать? Такими интригами не стоит утруждать учителя. Лучше пойти и спросить совета у того старика»